

Э. Гидденс

ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТИМНОСТИ.

Giddens A. THE TRANSFORMATION OF INTIMACY. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Cambridge: Polity Press, 1992.

Появление "Трансформаций интимности" в длинном списке научных трудов, самого, пожалуй, известного из ныне здравствующих английских социологов, автора популярного учебника социологии Энтони Гидденса — воистину веяние времени. Жгучий интерес ко всем аспектам отношений между полами, особенно к обозначенной в подзаголовке "сексуальности", похоже, стал играть столь большую роль в общественном сознании и социальной теории, что автору, считающемуся "живым классиком", просто нельзя было не "отметиться".

Тема, безусловно, интересная и благодарная, но в то же время не лишенная разнообразных подводных камней. Один из них — неизбежная перспектива определить свою позицию по отношению к великим предшественникам, разрабатывавшим эту проблематику, прежде всего, к Фрейдю и Фуко. Что касается Фрейда, то с ним больших трудностей уже нет. Его знаменитая теория, кажется, настолько эксплуатировалась критиками и последователями, что она может считаться достоянием масс, черпающих из нее сюжеты для увлекательных триллеров, — это своего рода фон, знакомый натюрморт на заднем плане, на который можно обращать не больше внимания, чем на портрет вождя мирового пролетариата в кабинете парторга. Но с Фуко все гораздо сложнее — этот автор не просто модный философ, но почти гуру для многочисленных рядов социологов-постмодернистов (не говоря уже о постмодернистках). Каждый, заступающий в "зону сексуальности", поневоле оказывается накрытым его обширной тенью — так и книга Гидденса пропитана явной и скрытой полемикой с автором "Истории сексуальности".

В чем же их основные расхождения? Согласно Фуко, сексуальность выступает в роли важнейшего связующего звена между телом, самоидентификацией и социальными нормами. Эротическое удовольствие становится "сексуальностью" по мере того, как появляются тексты, в которых она изучается как "феномен", и главное, где определяется понятие "нормы" и "отклонения". Соответствующий дискурс создается на базе "научного объяснения" нормы и патологии, таким образом, сексуальность — это социальный продукт, чье происхождение связано с отношениями власти. Понятие "сексуальность" формируется в современную эпоху, когда происходит активная социализация природного мира: замещение структур и событий, которые были внешними обстоятельствами по отношению к человеческой деятельности, социально организованными процессами.

То значение, которое придается в современном обществе сексуальности (включая и введение ее как термина), связано именно с развитием властных отношений. Власть теперь концентрируется не только на теле, используемом как машина в трудовом процессе (о чем писали Маркс, Вебер и даже Маркузе), но и на биологических процессах, связанных с репродукцией, здоровьем и продолжительностью жизни. Современные общества, в отличие от докапиталистических, базируются как на власти отнять жизнь, так и на власти "воспроизводить ее снова и снова" [1]. Гидденс принципиально не отрицает существование "политики жизни", однако он возражает против того, чтобы рассматривать сексуальность прежде всего как функцию от политических, властных отношений. Как бы ни велика была в современной социальной практике роль медицинских текстов, психоаналитиков и прочих "проводников Дискурса", регулирующих, согласно Фуко, сознание индивидуума, нельзя считать, что самоидентификация человека создается с помощью специальной "технологии". Скорее, она носит проблемный, открытый характер

— на протяжении жизни каждому не раз приходится искать ответ на сакраментальный вопрос: "Кто я?".

Манипуляциям сознанием, играющим основную формообразующую роль у Фуко, Гидденс противопоставляет саморефлексию как важнейший инструмент сознания (и переосмысления) идентичности. Соответственно, он обращается к другому кругу источников: разного рода психотерапевтическим руководствам из серии "помоги себе сам", а также многочисленным статьям и телепрограммам на ту же тему. Идея кажется интересной — никто до сих пор еще не оценил по достоинству роль этих текстов, помогающих немедленно "перестать беспокоиться и начать жить", в духовных исканиях представителей среднего класса (кстати, вслед за проложившими путь трудами Дейла Карнеги, они лавиной накрыли и отечественный книжный рынок).

Гидденс подчеркивает, что освоение природных, биологических процессов и сексуальность теснее всего связаны через социализацию репродуктивного поведения. Ее наиболее наглядным техническим воплощением являются современные средства контрацепции. Впервые в истории человечества его воспроизводство почти целиком зависит от желания индивидуумов иметь детей как отдельного, автономного фактора. Именно здесь истоки социальных институтов "материнство" и "детство".

Соответственно, разделились две целевые ориентации сексуальной активности: на репродукцию и *ars erotica* (по тому же основанию женщины делились на "чистых" и "нечистых").

Рассуждая о превращениях, которые претерпели в современную эпоху отношения между полами, Гидденс перечисляет важнейшие мотивы традиционных представлений о половых различиях: 1. Каждый человек является мужчиной или женщиной, никакие "двойственные", промежуточные варианты невозможны. 2. Психологические характеристики и особенности поведения всех людей интерпретируются как мужские или женские в соответствии с доминирующими представлениями о том, что является "мужским", а что "женственным". 3. Образцы "правильного поведения" строго соответствуют статусам обоих полов. 4. Эти образцы, тем не менее, подвергаются постоянной переоценке, при которой "не свойственные полу" элементы отфильтровываются. 5. И мужчины, и женщины следят за тем, чтобы их внешность и поведение соответствовали "естественной" половой самоидентификации.

Эти различия касаются не только норм поведения, но и более фундаментальных категорий. По мере развития современного общества дело мужчин — контроль над социальным и природным миром все более связывается с понятием "разум". Разум как основа представления о вещах, противопоставлялся традиции и догме и в такой же степени — эмоциям. Это означало, скорее, не подавление эмоций, а институциональное разделение между ними и разумом — разделение, проходящее практически по линии различий между полами.

Значительная часть книги посвящена внимательному и тонкому анализу того, как эта стройная, "просвещенческая" картина разумного мира, где каждый пол имеет свою Богом и природой определенную функцию, постепенно размывается, усложняется и запутывается. Но все же не ради этого она была написана: эта книга, несомненно, не "про войну" (пусть даже между полами), а "про любовь".

Гидденс выделяет три основных вида любви, представленных в истории человечества: любовь-страсть (стендалевская *amour passion*); романтическая любовь; и наконец, любовь-привязанность, "собственно отношения" ("*pure relationship*").

Если любовь-страсть — явление, практически универсальное для всех культур, то романтическая любовь имеет гораздо большую культурную специфику. Особое внимание Гидденса к этой разновидности любовных отношений связано с той исключительной ролью, которую она играет в становлении современного человека как историко-культурного типа. В XIX веке заключение браков для значительной части населения начало базироваться на иных основаниях, чем чисто экономические мотивы. Понятие

"романтическая любовь" покинуло пределы круга буржуазии, где прежде оно занимало исключительные позиции. "Романтические истории" стали первой массовой литературой — куда более массовой, чем "регулятивные тексты", на которые ссылается Фуко.

Смысл романтической любви в том, что она представляет собой идею связанного рассказа о человеческой жизни, ее важнейший сюжет. Это ключевой элемент саморефлексии. Хотя термин "романтический" относится прежде всего к культуре и подразумевает наличие некоей фабулы, применительно к человеческим отношениям это означает "приватизацию" данного сюжета. Он становится частью жизни индивидуума.

Исторически понятие "романтическая любовь" близко связано с понятием "свобода" — причем и то, и другое рассматривались как ценностно окрашенные, нормативно желательные состояния. Любовь-страсть, впрочем, также имела мощный освободительный потенциал: но только в том смысле, что означала разрыв, во-первых, с повседневной рутинной, во-вторых, с долгом. Идеалы же романтической любви подразумевали связь свободы с самореализацией.

Другая отличительная черта романтической любви — преобладание идеалов возвышенной любви над сексуальными отношениями. Макс Вебер полагал, что такая любовь — одна из составляющих протестантской этики. По сути, это притяжение к другому человеку, который делает жизнь индивидуума "более полной".

Появление романтической любви означает реорганизацию эмоциональной сферы в соответствии с реалиями современности. Если ранее персональные отношения между людьми были как бы частью общего космического миропорядка, то романтическая любовь, которая сохранила определенную связь с "высшим порядком вещей", стала еще и способом формировать и контролировать будущее.

Романтическую любовь следует рассматривать в контексте очень важных изменений в положении женщины, произошедших в Европе к XVIII веку. Во-первых, появился "дом" как сфера частной жизни, произошло его отделение от производства. Во-вторых, существенно трансформировались отношения между родителями и детьми, что Гидденс изящно обозначает как "изобретение материнства". В-третьих, образ активной "жены и матери" стал основой "двуполой модели" человеческой деятельности. Женщины были признаны "особыми", "непознаваемыми" существами, которые, к тому же, контролировали особую социальную сферу, чего не могли делать мужчины. "Материнство" и "женственность" начали осознаваться как личностные черты.

Романтическая любовь стала женским делом, достоянием женщин. Это был именно "женский способ" контролировать свое будущее. Женщины оказались первыми носителями качества "интимности", связь между любовью и браком сделалась для них необходимой ценностью.

Постепенно отношения между супругами отделяются от остальных аспектов организации семьи и даже получают определенный приоритет. Тогда же на повестку дня выходит "интимность" — особая степень близости, новая сторона отношений между мужчиной и женщиной. Прежде всего она означает тесную психологическую коммуникацию. Другой человек как бы восполняет для индивида тот недостаток, ту потерю, которую он и не ощущал до начала любовных отношений. Это чувство "недостачи" тесно связано с самоидентификацией, в каком-то смысле "расколотый" индивидуум становится целостным. Таким образом, поиск любимого человека является попыткой утвердить свою самоидентификацию с помощью открытия "другого", ответить на вопрос "Кто я?", найдя свое отражение в другом человеке.

Что касается мужчин, то они долгое время были исключены из процесса формирования романтической любви как ценности. "Любовь" для них была теснее всего связана с понятием "страсть", "amour passion".

Однако в последние десятилетия ситуация изменилась. Теперь для обоих полов ценность "отношений как таковых" играет гораздо более важную роль, нежели ценность брака.

Еще одна проблема мужчин — патриархальная тендерная социализация. Мужчинам необходимо иметь высокий, подтвержденный материальным вознаграждением статус среди других мужчин и ощущать причастность к ритуально выраженной мужской солидарности. Но в этом смысле они "промахиваются", не попадая в важнейшую траекторию развития современности. Саморефлексия, как она сформировалась у современного человека, предполагает эмоциональную реконструкцию прошлого в виде связного рассказа, продолжение которого, как говорится, следует. Таким образом, мужчины тоже нуждаются в женщинах для самоидентификации, хотя и не всегда осознают эту потребность.

Что из себя представляет традиционная маскулинность? По мнению Гидденса, ее определяют следующие черты: 1. Стремление доминировать над другими мужчинами в сфере общественной жизни. 2. Двойной стандарт (что допустимо для мужчины, неприемлемо для женщины). 3. Разделение женщин на "чистых" (на которых можно жениться) и "нечистых" (проституток, содержанок, ведьм). 4. Понимание половых различий как священных и незыблемых. 5. Представление о женщинах, как существах иррациональных, с неясными желаниями и действиями (женщина как проблема). 6. Разделение труда по признаку пола.

Романтическая любовь все еще мирно сосуществовала с этим "кодексом нравов". Но возникновение и достаточно широкое распространение любви-привязанности, или "слиянной любви" (confluent love) ознаменовал определенный разрыв с романтической традицией. При новом типе отношений последние становятся в центр ситуации, причем ценятся даже выше, чем сам субъект, с которым они связаны.

Косвенным следствием этого оказывается то, что, в отличие от романтической любви, любовь-привязанность не обязательно моногамна. Верность в сексуальных отношениях исключительно с любимым соблюдается лишь постольку, поскольку она желательна или существенна для их участников (а не потому, что это само собой разумеется).

Другое важное отличие любви-привязанности от романтической любви состоит в том, что она не обязательно гетеросексуальна.

Для этого вида любви центральное значение имеет хорошее знание особенностей и личных черт партнера. Детали стиля жизни, которые определяют, с кем человек имеет дело, становятся теми "кирпичиками", из которых складывается саморефлексия, "рассказ о себе". Не случайно при возникновении серьезных личностных проблем одним из основных методов современной психотерапии является "переписывание" этого рассказа.

В то же время любовь-привязанность отнюдь не является идеально-безоблачным состоянием. Прежде всего, эти отношения очень хрупкие — они достаточно легко распадаются, так как не подкреплены никакими институциональными, традиционными и прочими установлениями. Привязанность может превратиться и в серьезную зависимость, сходную по своим проявлениям с наркотической зависимостью или алкоголизмом. "Привязанность как зависимость" в терминах саморефлексии противоположна выбору. Она вызывается тем, что человек, психологически зависимый от другого, приучен определять свою идентичность через действия и потребности других. Чаще всего "фиксированные" на другом отношения предполагают разделение ролей, как правило на традиционные тендерные роли превосходства и подчинения. Роль "привязанного" считается классической женской ролью.

Таким образом, даже торжество "слиянной любви" и "собственно отношений" не означает автоматического освобождения из клетки половой идентичности. Но Гидденс сохраняет по этому поводу оптимизм: заключительная глава "Трансформаций интимности" называется "Интимность как демократия". Выводы автора вполне "политически корректны": "Демократизация частной сферы сегодня не просто находится на повестке дня, но является необходимо подразумеваемым качеством личной жизни, развивающейся в русле отношений как самооценности" (p.184).

В противоположность "власти над жизнью" (biopower), о которой писал Фуко, Гидденс предлагает "политику жизни" (life politics), которую следует поддерживать всем прогрессивным политическим силам и вообще людям доброй воли.

Чем же, по Гидденсу, должна являться "политика жизни"? Это политика жизненных стилей в том виде, в котором они поддаются рефлексии со стороны социальных институтов. Она должна быть направлена не на "политизацию" стилей жизни в узком смысле этого слова, а на их моральное переосмысление — точнее, на вынесение на поверхность тех моральных и экзистенциальных проблем, которые оказались вытеснены из повседневной жизни в результате ее "приватизации" и отсутствия общих критериев. Это круг вопросов, в равной мере затрагивающий абстрактную философию, этические идеи и практические стороны жизни.

Гуманистический пафос, которым пропитан финал, оставляет очень приятное впечатление — книга, слава Богу, имеет хороший конец. Как, собственно, и полагается книге "про любовь".

ЛИТЕРАТУРА

1. Foucault M. The History of Sexuality, vol.1: An Introduction. Harmondsworth: Pelican, 1981. P.139-142.

И.Н.ТАРТАКОВСКАЯ,
кандидат социологических наук